

УДК 81'286
DOI: 10.17223/19986645/58/2

Д.В. Конёр, А.Л. Макарова, А.Н. Соболев

**СТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД
ЯЗЫКОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ НОСИТЕЛЯ ДИАЛЕКТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЕРБСКОГО ИДИОМА
СЕЛА БЕРЧИНОВАЦ)¹**

Разрабатывается статистический метод, позволяющий устанавливать частотность и правила дистрибуции диалектных различительных признаков в спонтанной речи носителей сербских (в дальнейшей перспективе – славянских и балканских) нестандартизированных идиомов и тем самым устанавливать внутрисистемные импликации между различными диалектными признаками и создавать языковые профили носителей диалекта. Объектом изучения является тимокский идиом из села Берчиновац в районе города Княжевац Заечарского округа в Восточной Сербии.

Ключевые слова: статистические методы в языкознании, языковое профилирование, носитель диалекта, балканославянские языки, сербские диалекты, тимокский диалект, идиолект носителя говора.

Постановка проблемы

Цель предпринятого исследования – разработать статистический метод, позволяющий устанавливать частотность и правила дистрибуции диалектных различительных признаков в спонтанной речи носителей нестандартизированных идиомов и тем самым устанавливать внутрисистемные импликации между различными диалектными признаками и создавать языковые профили носителей диалекта. В статье изучается конкретный тимокский диалект в Восточной Сербии, но достижение финальной цели исследования, как можно надеяться, позволит получить количественный инструмент для оценки внутрисистемной диалектной когерентности и «степени диалектной аутентичности» (или «степени диалектной сохранности») для любого варианта сербской (в дальнейшей перспективе – славянской и балканской) диалектной речи.

Объектом изучения является тимокский идиом информантки Драгини Микич (1906 г. р.) из села Берчиновац в районе города Княжевац Заечарского округа в Восточной Сербии. Идиом представлен нарративом примерно в 5300 словоупотреблений, записанным в 1990-е гг. и опубликован-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-512-76002 ЭРА_а «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция».

ным в третьем томе «Диалектологического атласа Восточной Сербии и Западной Болгарии» [1. Bd. 3, Ortspunkt 503. Verčinovac. S. 125].

Говоры призренско-тимокской области сербского диалектного комплекса [2. С. 210–253], с одной стороны, по историко-фонетическим и морфологическим особенностям (рефлекс праславянского *ǫ > u, совпадение рефлексов редуцированных, флексия -ga в местоименном склонении и мн.др.) относятся к западной части южнославянского диалектного континуума. Помимо ряда приграничных западноболгарских в генетически единый диалектный комплекс с сербской призренско-южноморавской группой можно объединять некоторые говоры Северной Македонии, прежде всего в областях Куманово и Скопска Црна Гора [3. С. 159–239]. С другой стороны, по инновационным морфосинтаксическим характеристикам (редукция падежной системы, наличие постпозитивного артикля, местоименное дублирование объекта и др.) призренско-тимокские сербские говоры относятся к балканославянскому, т.е. балканизированному южнославянскому ареалу [4. С. 103–106; 5]. «Новый слой [инноваций] составляют балканизмы, которые, несмотря на свое чаще всего неславянское происхождение, все же связывают эти говоры и с болгарским, и с македонским языком. Однако... в обоих случаях призренско-тимокские говоры остались обособленными, не усвоив полностью ни всех существенных штокавских инноваций, ни всех характерных балканизмов» [6. С. 212].

Согласно восходящей еще к А. Беличу классификации [7] призренско-тимокская область членится на три достаточно крупных диалектных типа: призренско-южноморавский, сврлигско-запльанский и тимокско-лужницкий [8. С. 114–116]. Сербский тимокско-лужницкий диалект делится, в свою очередь, на четыре группы: тимокскую, белопаланкскую, лужницкую и пиротскую [9] (ср.: [2. С. 242–244]). Все эти говоры относятся к џ, dž-зоне, называемой так по особым рефлексам праславянских *tj, *dj и охватывающей помимо сербских также и болгарские диалекты вокруг современной межгосударственной границы. Отнесение конкретного говора к сербскому или болгарскому языку осуществляется здесь в зависимости от национального самоопределения говорящих, соответственно сербского или болгарского.

В свою очередь, как было установлено в [10. Bd. 1. S. 396–397] путем применения таких классификационных параметров, как рефлексы слогообразующего l и система постпозитивных артиклей, џ, dž-зона делится на несколько диалектных подгрупп:

1) Тимокско-заглавакский говор (*gl̥ta* ‘глотаёт’, *v̥lk* ‘волк’, 3 артикля – *-əv*, *-ət*, *-ən*);

2) старопланинский говор (*gl̥ta*, *v̥lk*, 1 артикль – *-ət*);

3) лужницко-знепольский говор (*gl̥ta*, *vuk*, 3 артикля);

4) говор района Трынское Краиште (*gl̥ta*, *vuk*, 1 артикль);

5) говор района Кюстендилское Краиште (*gl̥ta*, *vuk*, 1 артикль).

Идиом села Берчиновац относится к тимокско-заглавскому говору џ, dž-зоны, что соответствует тимокскому говору сербской диалектологической традиции.

Метод

В данном исследовании нас интересуют закономерности проявления в анализируемом тексте ряда дифференциальных фонетико-фонологических и грамматических диалектных признаков, которые далее будут называться диалектными различиями. Согласно определению Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой: «Диалектное различие есть такой элемент структуры языка, который в отдельных диалектных микросистемах выступает в разных своих соотносительных вариантах, в разных своих членах. Каждый из этих вариантов сам по себе является элементом той или иной отдельной микросистемы. Совокупность этих вариантов в их межсистемных отношениях образует соответствующее явление как элемент макросистемы. Таким образом, соответствующее явление всегда двучленно или многочленно. Члены соответствующего явления находятся между собой в определенных закономерных отношениях» [11. С. 11].

Для предпринятого исследования релевантны следующие элементы структуры сербского языка (диалектные различия, изоглоссы), выступающие в разных соотносительных вариантах в новоштокавских идиомах (например шумадийско-воеводинских говорах, лежащих в основе сербского литературного языка экавского орфоэпического варианта) и в идиомах тимокского диалекта в Восточной Сербии:

1) прасл. **tj*, **ktj* > *ć* vs *č*, **dj* > *đ* vs. *ž* (*sveća* ‘свеча’, *meža* ‘межа’ vs. *sveča*, *medža*);

2) прасл. **ь* = **ъ* > *a* vs *ə* (*dan* ‘день’, *san* ‘сон’ vs *dən*, *sən*);

3) синтетическое (флективное) vs аналитическое (предложное) маркирование косвенного объекта (IO) и посессора (POSS), выраженного существительным;

4) синтетическое (флективное) vs аналитическое (предложное) маркирование периферийных падежных отношений при имени существительном (так называемый генитив, инструментал и локатив);

5) отсутствие открытого маркера категории определенности vs наличие постпозитивного артикля (системы из одного или трех артиклей);

6) синтетический компаратив vs аналитический компаратив прилагательных (с гипертрофированным употреблением аналитического маркера компаратива при именах существительных, местоимениях, глаголах, наречиях и предложениях);

7) однократное маркирование прямого (DO) и косвенного объекта (IO) флексией vs местоименная редупликация прямого и косвенного объекта;

8) наличие частицы конъюнктива (в традиционной грамматике – союза *da* ‘что, чтобы’) при модальных глаголах и в формах футура vs опущение этой частицы (союза) [12];

9) акцентные ретракции vs сохранение старого места ударения.

Для получения статистически релевантных результатов на достаточном объеме текста были отобраны наиболее весомые признаки, противопоставляющие все говоры изучаемого региона Восточной Сербии новоштокав-

ским говорам, лежащим в основе литературного языка. Для диалектного ландшафта Сербии и других славянских стран «особенно характерно... наличие таких членов соответственного явления, один из которых является в собственном смысле диалектным, другой – свойственным литературному языку. С точки зрения генетической это результат влияния литературного языка на диалект или результат взаимодействия диалектов» [11. С. 11]. Изогlossen, важные для диалектной микродифференциации внутри *č, dž*-зоны (уже упоминавшийся характер рефлексов праславянских слогообразующих сонантов в различных позициях и количество постпозитивных артиклей), в рамках предпринятого исследования не рассматриваются. Анализ диалектного текста был проведен «вручную», полному учету (т.е. статистически-ориентированному детальному качественному разбору и однозначному измерению) подверглись показатели по всем выделенным выше параметрам за исключением акцентологического. Мы полагаем, что в перспективе любое статистическое (квантитативное) исследование сербского (в дальнейшей перспективе – славянского и балканского) диалектного текста должно будет осуществляться автоматически, для чего в настоящее время, к сожалению, отсутствуют надежные программные средства.

Будем исходить из того, что степень диалектной аутентичности спонтанной речи информанта может быть однозначно измерена на фоне гипотетического «идеального», «канонического» (в современной языковой реальности Восточной Сербии не существующего) тимокско-заглавакского говора южнославянской *č, dž*-зоны. В таком говоре употреблялись бы те и только те члены соответственного явления (варианты реализации диалектного различия), которые локализируются именно в Тимокском крае, а их соответствия из других диалектных ареалов и из литературного языка не встречались бы ни в качестве «безразлично употребляемых в речи», ни в качестве «стилистически разграниченных» вариантов. «Степень диалектной аутентичности» такого говора по любому параметру составляет идеальные 100%. В рамках нашего метода проводится сравнение реально звучащей речи с этим «идеальным тимокским говором» по модели тестирования личностных характеристик в современной психологии личности [13].

Установление степени проявления диалектных признаков в речи собеседника – стандартная процедура, осуществляемая диалектологом в ходе полевой работы при отборе лиц, которые в дальнейшем будут рассматриваться в качестве информантов-носителей местного говора. На практике эта процедура обычно осуществляется на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях языковой структуры, затем имплицитно представляется представление о том, что речь информанта внутренне когерентна, а «диалектность» морфосинтаксических и синтаксических характеристик как минимум не сильно отклоняется от остальных. Важно при этом установить, может ли информант порождать относительно длинные цепочки высказываний на диалекте или способен воспроизводить лишь отдельные диалектные словоформы. Эта же процедура позволяет проводить экспертизу текста, объявляемого «диалектным», в случае сомнений в последнем обстоятельстве.

Процедура сравнения заключается в непосредственном подсчете количества употреблений «правильных» (т. е. соответствующих диалектному «канону») вариантов реализации диалектного различия, в результате чего можно в процентном соотношении установить, насколько данный идиом близок к «идеалу», насколько он «диалектен» и насколько отдален от иных диалектов и от литературного языка. С точки зрения сравнения с поздним праславянским состоянием варианты реализации дифференциальных различий можно квалифицировать как внутриславянские архаизмы или инновации; на них наслаиваются балканизмы – инновации, появившиеся в результате вхождения призыренско-тимокских диалектов в балканский языковой союз [14]. Если реализация диалектных различий совпадает с состоянием сербского литературного языка, то последний с изрядной долей обобщения признается источником влияния в данном случае. Предполагается, что реализация в речи информанта различных членов диалектных различий может зависеть от темы наррации (автобиография, история семьи, история и жизнь села, традиционное и современное хозяйство, прошлый и современный быт, календарная обрядность в прошлом и в настоящее время, обряды перехода, былички и др.), но в рамках настоящего исследования это обстоятельство не принимается во внимание.

В соответствии с этим подходом анализируемый нами диалектный текст сопоставляется с его гипотетическим «идеальным» состоянием, в котором диалектные различия реализованы исключительно, на 100% «тимокским» образом, а именно:

1) рефлекс прасл. **tj* реализован как *č*, например: **vętje > veče* ‘больше’, **leŕja > leča* ‘чечевица’, **svętja > sveča* ‘свеча’, футуральная частица *će* от **hotjetь-3sg.*, деминутивный и патронимический суффикс **-itjь > -ič*;

2) рефлекс прасл. **dj* реализован исключительно как *ž*, например: **medja > meža* ‘межа’, **tjudje > čužo* ‘чужое’, **vidj- > viž-* ‘вид-’;

3) совпавшие рефлексы первичных и вторичных редуцированных реализованы как гласный среднего ряда среднего подъема *ə*, например: **sъn > sən* ‘сон’, **vъšъ > vəška* ‘вошь’, **dъsky > dəska* ‘доска’; в суффиксе **-ъvъ (takəv* ‘так(ов)ой’); **dънь > dən* ‘день’, **lъ(gъ)kъ > ləko* ‘легко’, **došъlъ > došəl*; в суффиксе **-ьнъ (gladъn* ‘голоден’); **jedъnъ > edən* ‘один’, **ognъ > oğəñ* ‘огонь’;

4) аналитическое маркирование косвенного объекта (IO) и посессора (POSS), выраженного существительным (например: *i na tuj ovcu se toj dade prvo i venəs* ‘и этой овце вначале дают/надевают венки’; *təg u moje znađe i na mođega tatu odnela vodenicu* ‘тогда, насколько я знаю, вода унесла и мельницу моего отца’);

5) аналитическое маркирование периферийных падежных отношений при имени существительном (*ot sviņu ostala samo glava* ‘от свињи осталась только голова’, *oralā sam səs pluk* ‘я пахала плугом’, *on bil u vojsku* ‘он был в армии’);

6) наличие постпозитивного артикля в именной группе (например: *dojde do nas vodatā do ovdeka* ‘дошла до нас вода досюда’);

7) аналитическое маркирование косвенного объекта (IO) и посессора (POSS), выраженного личным местоимением (например: *toj na nas pričala baba jedna* ‘это нам рассказывала одна старуха’);

8) аналитическое маркирование периферийных падежных отношений при личном местоимении (*pokraj ňu* ‘рядом с ней’, *sas ňega* ‘с ним’, *da pečemo leb u ňu* ‘чтобы печь хлеб в ней’);

9) аналитический компаратив прилагательных, употребление частицы компаратива при существительных и глаголах (например: *pomlad* ‘моложе, более молодой, младший’);

10) местоименная редупликация прямого объекта (DO), выраженного личным местоимением (*tebe te stra* ‘тебе страшно’ [15. С. 405];

11) местоименная редупликация косвенного объекта (IO), выраженного личным местоимением (*tep-ti-je dobro* ‘тебе хорошо’ [Ibidem];

12) отсутствие частицы конъюнктива при модальных глаголах и в формах футура (например: *sad ču # pričam* ‘сейчас расскажу’, ср. *sad ču da pričam* ‘то же’).

Очевидно, что для ряда явлений морфосинтаксиса последовательное применение нашего метода заставляет принять ряд априорных решений, не всегда полностью находящихся поддержку в реально звучащей речи на тимоцко-заглавакском диалекте. Они таковы.

Любая именная группа, референт которой представляет собой материальный предмет реального мира, не генерализированный (ср. *sir od jagnje* ‘сыр, ферментированный сычугом ягненка’) и не абстрактное понятие, будет считаться потенциально конкретно-референтной ИГ, открывающей позицию для определенного артикля (все такие именны группы принимаются за 100% реализации артикля в «каноническом» говоре). Не рассматриваются ИГ, являющиеся частью предиката (ср. *kad sam bila devojčica* ‘когда я была девушкой’), входящие в состав идиоматических выражений (ср. *na ruku češljamo* ‘вычесываем шерсть руками’), употребленные с указательным или притяжательным местоимением, открыто маркированные как нереферентные (употребленные с квантификатором или «неопределенным артиклем» *edən*), упомянутые первично, употребленные в вокативе.

Любой косвенный объект, выраженный именем существительным, будет считаться потенциально маркируемым аналитическим показателем *na* ‘на, к’ (все такие обнаруженные в тексте объекты принимаются за 100% реализации в «каноническом» говоре).

Любой косвенный и прямой объект будет считаться потенциально удваиваемым и открывающим позицию для редуплицирующей краткой формы личного местоимения (все такие обнаруженные в тексте объекты принимаются за 100% реализации в «каноническом» говоре).

Частица конъюнктива (союз) *da* при модальных глаголах и формах футура отсутствует (все такие позиции принимаются за 100% в «каноническом» говоре).

Эти решения ввиду не очень большого объема анализируемого материала игнорируют помимо прочих такие хорошо известные нам факторы, как

нереферентное употребление имен существительных вне сочетаний с неопределенными местоимениями и квантификаторами, иерархия утраты формы датива разными местоименными формами и архаичные употребления форм датива существительных-названий лиц и имен собственных, тема-рематические ограничения на местоименные редупликации объекта, а также любые семантические и функциональные различия между глагольными конструкциями с частицей конъюнктива (союзом) *da* и без нее. Тем не менее мы считаем, что они не влияют существенно на установление общих правил дистрибуции диалектных различительных признаков, на оценку степени диалектной аутентичности спонтанной речи информанта и параметры языкового профиля носителя диалекта.

Материал

В данном разделе статьи приводится материал, методом сплошной выборки извлеченный из диалектного текста и подвергнутый этимологическому, формальному и функционально-семантическому анализу. Число перед примером указывает на порядковый номер словоформы в ряду ей подобных.

Диалектное различие 1: рефлексy *tj, *ktj

тимокская форма	инодиалектная (стандартноязыковая) форма
1. <i>četo</i> , 2. <i>če</i> , 3. <i>če</i> , 4. <i>таčeja</i> , 5. <i>таčeja</i> , 6. <i>таčeja</i> , 7. <i>оče</i> , 8. <i>оče</i> , 9. <i>če</i> , 10. <i>неče</i> , 11. <i>чи</i> , 12. <i>ноč</i> , 13. <i>оče</i> , 14. <i>неče</i> , 15. <i>če</i> , 16. <i>če</i> , 17. <i>če</i> , 18. <i>ноč</i> , 19. <i>ноč</i> , 20. <i>če</i> , 21. <i>ночи</i> , 22. <i>če</i> , 23. <i>чи</i> , 24. <i>prenočito</i> , 25. <i>чи</i> , 26. <i>чи</i> , 27. <i>чи</i> 28. <i>devojčiči</i> , 29. <i>piliči</i> , 30. <i>piliči</i>	1. <i>таčehu</i> , 2. <i>таčehu</i>

Диалектное различие 2: рефлексy *dj

тимокская форма	инодиалектная (стандартноязыковая) форма
1. <i>leža</i> , 2. <i>viživali</i> , 3. <i>prežu</i> , 4. <i>prežu</i> , 5. <i>prežu</i> , 6. <i>preža</i>	1. <i>rožena</i> , 2. <i>goveže</i> , 3. <i>žuržovdan</i> , 4. <i>žuržovče</i>

Диалектное различие 3: реализация рефлексов праславянских редуцированных (в том числе секундарных и в формах причастия на *-l*) в качестве *ə* vs *a*

тимокская форма	инодиалектная (стандартноязыковая) форма
1. <i>sək</i> , 2. <i>səg</i> , 3. <i>səs</i> , 4. <i>səs</i> 5. <i>polək</i> , 6. <i>vəzdən</i> , 7. <i>sək</i> , 8. <i>došəl</i> , 9. <i>došəl</i> , 10. <i>došəl</i> , 11. <i>došəl</i> , 12. <i>došəl</i> , 13. <i>səs</i> , 14. <i>səs</i> , 15. <i>səg</i> , 16. <i>səs</i> , 17. <i>səg</i> , 18. <i>səg</i> , 19. <i>tomək</i> , 20. <i>tri</i> <i>dəna</i> , 21. <i>dən</i> , 22. <i>edən</i> , 23. <i>sək</i> , 24. <i>səs</i> , 25. <i>səg</i> , 26. <i>sə</i> , 27. <i>səs</i> , 28. <i>nekəv</i> , 29. <i>səg</i> , 30. <i>sək</i> , 31. <i>səs</i> , 32. <i>səg</i> , 33. <i>səs</i> , 34. <i>səs</i> , 35. <i>dəna</i> , 36. <i>kotəl</i> , 37. <i>səg</i> , 38. <i>sək</i> , 39. <i>səg</i> , 40. <i>edən</i> , 41. <i>Bədńio</i> , 42. <i>dən</i> , 43. <i>Bədńii</i> , 44. <i>Bədńiu</i> , 45. <i>səs</i> , 46. <i>səs</i> , 47. <i>sək</i> , 48. <i>bədńiag</i> , 49. <i>səs</i> , 50. <i>səs</i> , 51. <i>otišəl</i> , 52. <i>venəc</i> , 53. <i>venəc</i> , 54. <i>tipəc</i> , 55. <i>kotəl</i> , 56. <i>venəc</i> , 57. <i>venəc</i> , 58. <i>venəc</i> . 59. <i>žuržovdən</i> , 60. <i>išəl</i> , 61. <i>edən</i> , 62. <i>ovən</i> , 63. <i>išəl</i> , 64. <i>ovən</i> , 65. <i>išəl</i> , 66. <i>išəl</i> , 67. <i>səs</i> , 68. <i>səz</i> , 69. <i>jedən</i> , 70. <i>kotəl</i> , 71. <i>dən</i> , 72. <i>səs</i> , 73. <i>səz</i> , 74. <i>otišəl</i>	1. <i>kat</i> ('когда'), 2. <i>kad</i> , 3. <i>kad</i> , 4. <i>kad</i> , 5. <i>dana</i> , 6. <i>kat</i> , 7. <i>ogań</i> , 8. <i>ogań</i> , 9. <i>kat</i> , 10. <i>kad</i> , 11. <i>mogal</i> , 12. <i>ručak</i> , 13. <i>ručak</i> , 14. <i>ručak</i> , 15. <i>kat</i> , 16. <i>ogań</i> , 17. <i>kat</i> , 18. <i>ispekal</i> , 19. <i>kat</i> , 20. <i>ogań</i> , 21. <i>kat</i> , 22. <i>ogań</i> , 23. <i>ogań</i> , 24. <i>sedam</i> , 25. <i>sedam</i> , 26. <i>kat</i> , 27. <i>dan</i> , 28. <i>kat</i> , 29. <i>kad</i> , 30. <i>kat</i> , 31. <i>kat</i> , 32. <i>slezal</i> , 33. <i>starac</i> , 34. <i>starac</i> , 35. <i>kat</i> , 36. <i>jedan</i> , 37. <i>išal</i> , 38. <i>starac</i> , 39. <i>ogań</i> , 40. <i>kat</i> , 41. <i>kat</i> , 42. <i>kat</i>

Диалектное различие 4: синтетическое (флективное) vs аналитическое маркирование косвенного объекта (IO), выраженного существительным

тимокская форма	инодиалектная (стандартноязыковая) форма
1. <i>tóg u mojé znánie i na mđ'ega</i> <i>tátu odněla voděnicu</i> 2. <i>na tuj sestru doveli zeta oni</i> 3. <i>ono se toj na tu ovcu dava</i> 4. <i>i na tuj ovcu se toj dade prvo i</i> <i>venəc</i>	В тексте отсутствуют синтетические формы косвенного объекта (IO), выраженного существительным

Диалектное различие 5: синтетическое (флективное) vs аналитическое маркирование периферийных падежных отношений при имени существительном

тимокская форма	инодиалектная (стандартноязыковая) форма
1. <i>boluvala sam nešto u glavu</i> ; 2. <i>sə</i> <i>slamu</i> ; 3. <i>ot svińu ostala samo</i> <i>glava</i> ; 4. <i>orala sam səs pluk</i> ; 5. <i>səs</i> <i>krave</i> ; 6. <i>na vašar se upoznamo</i> ;	1. <i>ne znam koje godine bila</i>

7. *on bil u vojsku*; 8. *i ka došo iz vojsku*; 9. *došo iz vojsku*; 10. *došal kod mojega tatu*; 11. *i kod moju maćehu*; 12. *došal səs čiču*; 13. *səs čiču*; 14. *a ovdeka u naše selo*; 15. *mi devojčiči pokr babu*; 16. *i on dojde saz drugara*; 17. *i odande me doveli kod mladožeñu*; 18. *i mi se vratimo kod mojega tatu*; 19. *ta mešamo u ognjište*; 20. *kod mojega tatu*; 21. *idemo u planinu sə stoku*; 22. *mlogo stoku*; 23. *i posle čiča otide s ovce*; 24. *poviše ovce imal*; 25. *sutra moj tata će da bude na bačiju*; 26. *na bačiju će da bude prvi on*; 27. *sə stoku*; 28. *siri sir na bačiju*; 29. *pa sve səs dedu ide*; 30. *moje dete bilo pe-šes godine*; 31. *mlogo ovce*; 32. *sirište od jagnje*; 33. *od jagnje*; 34. *od jare*; 35. *səs sirište*; 36. *sve posipujemo səs ćipelu vodu*; 37. *səs grebenci*; 38. *səs ćipelu vodu*; 39. *pa posle na trlicu tremo*; 40. *posle mi na grebenci grebemo*; 41. *səs češaljju češemo*; 42. *nosimo kod žubre*; 43. *i tako je bilo od grsnicu*; 44. *pa z blato eto*; 45. *i onaj šanac napune s kamen*; 46. *naprave blato səs slamu*; 47. *naprave od zemlju*; 48. *od zemlju naprave blato*; 49. *na svinću*; 50. *na klisku*; 51. *i tuj pokraj ogañ*; 52. *səs oresi*; 53. *səs oresi*; 54. *i u ñega prska*; 55. *izvijemo venci*; 56. *səs kovu vodu*; 57. *otišal s ovce*; 58. *sam ja kod mojega tatu*; 59. *nema mečka*; 60. *kako je bil u vinograd*; 61. *pa slezal ko tu vodenicu*; 62. *do ñegovu kuću*; 63. *blizu planinu*; 64. *u dvanaez godine*; 65. *səz Bugari kat se ratuvalo*; 66. *moj tata rañen u toj bilo Prvi svetski rat*; 67. *idemo do Cerovicu*; 68. *səz toga z dedu*; 69. *səz toga starca pak*;

70. *i sǝz društvo ńegovo*; 71. *se izvukǝl iz Bugariti*; 72. *otišla kod crkvu*; 73. *ćića tuj u tu vojsku*; 74. *vojska tuj malo od potočkutu livada*; 75. *imala sam ćiću u tu vojsku*; 76. *u koju si kuću ti*; 77. *bez majku*

Диалектное различие 6: наличие постпозитивного артикля (системы из трех артиклей) в ИГ vs отсутствие открытого маркера категории определенности

тимокская форма

1. *dojde do nas vodata do ovdeka*;
2. *opkoli štalutu, i mi šta čemo?*;
3. *tako je mojeto devojastvo bilo, dok sam bila devojka*; 4. *odotle se izvukǝl od Bugariti*; 5. *tuj malku ot potočkutu*; 6. *otišǝl predi vojskutu*

инодиалектная

(стандартноязыковая) форма

В тексте имеется 115 потенциально определяемых постпозитивным артиклем групп. Например: *I dójde kúrjak i pojéde svińú. I újutru táj mój ćića ustál i kaže: "Odete da vídite ćúdo!"*. "Kvó ćúdo". "Ot svińú, – velí, – ostála sámó glavá. Sámó glavá i grbníca, – velí, – ovák. Drúgo néma". "Moré, pa kudé je svińá?"». *Svińá* в данном нарративе – конкретно-референтное имя, отвечающее всем условиям для того, чтобы употребляться с определенным постпозитивным артиклем, однако этого не происходит.

Диалектное различие 7. Аналитическое маркирование косвенного объекта и посессора, выраженного личным местоимением.

тимокская форма

1. *se razlila i ovde dojde **na nas***;
2. *dojde **na nas** vodata doovdeka*;
3. *toj **na nas** pričala baba jedna*;
4. *taj ćića Sokol podeli bel muž **na svi** u tanir*

инодиалектная

(стандартноязыковая) форма

1. *on dade **mene** paru*
2. *ja **ńemu** nešto*

Диалектное различие 8: аналитическое vs синтетическое (флективное) маркирование периферийных падежных отношений при личном местоимении

тимокская форма	инодиалектная (стандартноязыковая) форма
1. <i>i posle šta će sās ņu</i> ; 2. <i>mi pokraj ņu</i> ; 3. <i>i mi se vež dogovorimo s ņega</i> ; 4. <i>sās ņega</i> ; 5. <i>sās ņega</i> ; 6. <i>da pečemo leb u ņu</i> ; 7. <i>sās ņega</i> ; 8. <i>sās ņi</i> ; 9. <i>s ņu</i> ; 10. <i>i u ņega cveće mlogo bilo</i> ; 11. <i>ono jare s mene</i> ; 12. <i>ono jare s mene</i> ; 13. <i>sās ņi</i>	В тексте отсутствуют синтетические формы личных местоимений в генитиве, инструментале и локативе

Диалектное различие 9: синтетический компаратив vs аналитический компаратив прилагательных (а также гипертрофированное употребление частицы компаратива при именах существительных и глаголах)

тимокская форма	инодиалектная (стандартноязыковая) форма
1. <i>kat sam po odrasla</i> 2. <i>imala sam sestru pomladu</i>	В тексте не встречаются синтетические формы компаратива

Диалектное различие 10: редупликация прямого объекта (DO)

В тексте не встречается удвоения прямого объекта (DO); по данному параметру нарратив на 100 % стандартен.

Диалектное различие 11: редупликация косвенного объекта (IO)

В тексте не встречается удвоения косвенного объекта (IO); по данному параметру нарратив на 100 % стандартен.

Диалектное различие 12: опущение частицы конъюнктива (в традиционной грамматике – союза *da* ‘что, чтобы’) при модальных глаголах и формах футура vs наличие этой частицы (союза)

тимокская форма	инодиалектная (стандартноязыковая) форма
1. <i>pa će ni izdaje ovaj voda</i> ; 2. <i>čekaj sad ču pričam</i> ; 3. <i>čekaj sine sve ču vi ispričam</i> ; 4. <i>moi me nisu teli pomire</i> ; 5. <i>koj će se potsiri</i> ; 6. <i>če dojde mečka</i> ; 7. <i>ču ti kažem ko se kaže</i>	1. <i>ovde će da padne</i> ; 2. <i>pa ne mož da projdemo</i> ; 3. <i>sək čemo da pravimo premlas</i> ; 4. <i>sutra moj tata će da bude na bačiju</i> ; 5. <i>na bačiju će da bude prvi on</i> ; 6. <i>če d idemo</i> ; 7. <i>če da dojde mečka</i> ; 8. <i>tuj će mi da prenočimo</i> ; 9. <i>če da bežimo</i> ; 10. <i>ču da poznajem čiču ja</i> ; 11. <i>ču da iskočim</i> ; 12. <i>i on će da vidi da pogleda</i>

Заключение

Результаты количественного анализа диалектного текста, отражающего соотношения между тимокскими диалектными реализациями различительных признаков и их инодиалектными (часто – стандартноязыковыми) соответствиями можно представить в виде таблицы (показатели отдельных параметров округлены до целых чисел):

Различительный признак	Тимокская диалектная реализация, %	Инодиалектная (стандартноязыковая) реализация, %
1. Рефлексы *tj	94	6
2. Рефлексы *dj	60	4
3. Рефлексы *ь, *ь	63	37
4. Аналитический vs синтетический косвенный объект (IO) и посессор (POSS), выраженные именем существительным	89	11
5. Аналитические vs синтетические способы выражения периферийных падежных значений при именах существительных	98	2
6. Постпозитивный артикль	5	95
7. Аналитический косвенный объект (IO) и посессор (POSS), выраженные местоимением	66	34
8. Аналитические способы выражения периферийных падежных значений при местоимениях	100	0
9. Аналитический компаратив	100	0
10. Редупликация прямого объекта (DO)	0	100
11. Редупликация косвенного объекта (IO)	0	100
12. Отсутствие vs наличие частицы конъюнктива (союза) da	40	60

Эти же результаты можно представить в виде радиальной диаграммы, выражающей языковой профиль носителя диалекта:

Verćinovac
Драгиња Милкић (1906 г. р.)

Материал демонстрирует зависимость результатов эксперимента от частотности конкретных лексем в речи информанта. Из 27 реализаций *ć* как рефлекса **tj*, **ktj* 6 приходится на словоформы глагола *оџи*-1.Sg ‘хотеть’, 13 – на маркер футура (*џи*-1.Sg, *џе*-2-3.Sg/Pl), 5 – на лексему *ноћ* ‘ночь’ и ее дериваты, 3 – на лексему *маџеја* ‘мачеха’. Из 6 реализаций *џ* как рефлекса **dj* четыре приходится на лексему *преџа* ‘пряжа’.

Диалектная тимокская словоформа зачастую вступает в противопоставление с инодиалектной (стандартной) не по одному, но по целому ряду параметров. Так, форме *маџеја* ‘мачеха’ соответствует *маџеху*-Acc.Sg не только с /*ć*/, но и с несвойственной тимокским говорам фонемой /*h*/; форме *došal*-Part соответствует *doša* с вокализацией финального -*l*, фонетическим переходом *ə* > *a*, контракцией сочетания финальных гласных *ao* и ретракцией акцента на первый слог; форме *edən* ‘один’ соответствует *jedan*. Вторые формы очевидно прямо заимствованы из сербского литературного языка во всей совокупности своих признаков, отражая единичные и неизбежные для современной славянской диалектной речи стандартноязыковые включения, в том числе синтагматические (ср. *ne znam koje godine bila* ‘не знаю, в каком году она случилась’).

Противопоставление достаточно часто реализуется не на одном и том же лексическом материале (ср. *маџеја* ~ *маџећа*, *дән* ~ *дан* ‘день’, *џе дојде меџка* ~ *џе да дојде меџка* ‘придет медведь’), а на различных группах лек-

сем (ср. *viživali* ‘видали’ ~ *rojena* ‘рождена’; *a* как преимущественный рефлекс первичных редуцированных, *a* как рефлекс вторичных, а также вне ударения, ср. *kotəl* ‘котел’, *motək* ‘парень’, *venəs* ‘венок, венец’ ~ *ručak* ‘обед’, *starac* ‘старик, старец’). При более тонкой настройке метода в будущем мы планируем принять во внимание фактор лексикализации фонетических, грамматических и семантических явлений, в настоящей статье не принятый во внимание (см. *kat* ‘когда’). Простое исключение лексикализованных форм должно, однако, существенно негативным образом отразиться на абсолютном количестве подвергаемых анализу данных.

Противопоставление достаточно часто реализуется не на одной и той же словоформе лексемы, а в разных сегментах ее парадигмы. Таким образом, тимокский говор помимо прочего демонстрирует системные закономерности в сфере сохранения синтетических архаизмов, таких как (1) маркер футура *či* в 1 л. ед.ч. на фоне обобщения формы *če* во всех других лицах и числах; (2) формы датива местоимений в ед.ч. *tene*, *ńetu* на фоне аналитических форм мн.ч. *na nas*; (3) те же местоименные формы датива на фоне полного аналитизма имен существительных (*ńetu* ‘ему’ ~ *na mođega tatu* ‘моему отцу’).

Материал отражает разную относительную частотность пар соотносительных членов разных диалектных различий (0% ~ 100%, 10% ~ 100%, 40% ~ 60%) и, следовательно, разную степень системности их реализации вне зависимости от языкового уровня. При этом, установив частотность и правила дистрибуции диалектных признаков в спонтанной речи, можно попытаться обнаружить внутрисистемные импликации между ними.

Наконец, в проведенном эксперименте мы исходим из внутренней когерентности речи информанта, в которой согласованно реализуются системные признаки идиомы села Берчиновац середины и конца XX в. и не наблюдается переключений между диалектным тимокским и стандартно-языковым кодом. Регулярность отражения собственно тимокских фонетических и морфологических характеристик в этой речи позволяет по аналогии предположить, что и на морфосинтаксическом и синтаксическом уровне такие признаки реализуются не менее регулярно. Так, именно по аналогии мы предполагаем закономерность обнаруженной нами дистрибуции и в тех сферах, где ее правила неочевидны, например в поведении конъюнктивной частицы (союза) *da*. Также по аналогии можно с большой долей уверенности утверждать, что местоименная редупликация прямого и косвенного объектов этой речи не свойственна, а следовательно, она не свойственна и идиому села Берчиновац в целом. Тем не менее нужно признать, что отрицательные утверждения «о том, чего в языке нет» являются наиболее трудными для доказательства в лингвистике, а отсутствие одного из возможных соотносительных вариантов синтаксического диалектного противопоставления в относительно небольшом нарративе в несколько десятков тысяч словоупотреблений не позволят сделать сильного утверждения об отсутствии этого варианта в системе говора вообще. Можно надеяться, что применение совокупности современных методов исследо-

вания к необходимо и достаточно большому объему материала, включая методы лингвогеографические, корпусные и анкетные психолингвистические, может дать желаемый результат.

Литература

1. *Sobolev A.N.* Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. 3: Texte. Marburg : Biblion Verlag, 1998. 328 s.
2. *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација // Павле Ивић. Целокупна дела. X/2**. Расправе, студије, чланци. 2. О дијалектологији. Приредио Слободан Реметић). Нови Сад, Сремски Карловци : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2018. С. 119–255.
3. *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 1999. Т. 2. 250 с.
4. *Соболев А.Н.* Категория падежа на периферии балканославянского ареала // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. Knj. XXXIV/1. Novi Sad, 1991. С. 93–139.
5. *Вуковић Т., Самарџић Т.* Просторна расподела фреквенције постпозитивног члана у тимочком говору // Ђирковић Светлана (Ур.). Тимок. Теренска истраживања 2015–2017. Књажевац : Народна библиотека, 2018. С. 181–200.
6. *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација (Приредио Слободан Реметић). Нови Сад; Сремски Карловци : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009. 221 с.
7. *Белић А.* Дијалекти источне и јужне Србије. Београд : САНУ, 1905. 715 с.
8. *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад : Матица српска, 1956. 214 с.
9. *Соболев А.Н.* О пиротском говору у светлости најновијих истраживања // Пиротски зборник. Пирот, 1995. Књ. 21. С. 195–211.
10. *Sobolev A.N.* Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. 1: Problemstellung, Materialien und Kommentare, Kartenanalyse. Marburg : Biblion Verlag, 1998. 420 s.
11. *Русская диалектология* / ред. Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова. М. : Наука, 1964. 303 с.
12. *Мирић М.* Употреба/изостављање субјунктивног маркера да у конструкцији футаура првог у тимочким говорима // Ђирковић Светлана (Ур.). Тимок. Теренска истраживања 2015–2017. Књажевац : Народна библиотека, 2018. С. 201–218.
13. *Simon W.* (Hrsg.). Persönlichkeitsmodelle und Persönlichkeitstests. Offenbach : Gabal, 2006. 423 S.
14. *Цыхун Г.А.* Типологические проблемы балканославянского ареала. Минск : Наука и техника, 1981. 230 с.
15. *Станојевић М.* Северно-тимочки дијалекат // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1911. Књ. 2. С. 360–463.

Linguistic/Dialectal Profiling of Dialect Speakers: The Method Presented on the Idiolect from Berčinovac, Eastern Serbia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 58. 17–33. DOI: 10.17223/19986645/58/2

Daria V. Konior, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dsuetina@yandex.ru

Anastasia L. Makarova, University of Zurich (Zurich, Switzerland). E-mail: abeatina@rambler.ru / anastasia.makarova@uzh.ch

Andrey N. Sobolev, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation), Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Philipps University of Marburg (Marburg, Germany). E-mail: sobolev@staff.uni-marburg.de

Keywords: statistical methods in linguistics, dialectology, linguistic profiling, dialect speakers, Balkan Slavic languages, Serbian dialects, Timok dialect, idiolect of dialect speaker, village of Berčinovac, Eastern Serbia.

The aim of the undertaken research is to develop a statistical method that allows to estimate frequency and regularity for the distribution of distinctive dialect features in the spontaneous speech of speakers of non-standardized idioms, and thus to discover intrasystem implications between different dialect features creating linguistic profiles of dialect speakers. At a later stage of research, the achievement of this aim would mean obtaining a quantitative tool for assessing intrasystem coherence and degree of dialect preservation for any Slavic or Balkan dialect.

The object of study is Draginja Mikić's (b. 1906) idiolect. The narrative she produced was recorded in the village of Berčinovac, situated near Knjaževac in the Zaječar county (Eastern Serbia). This narrative of approximately 5,300 word tokens was published by A. Soboлев in the third volume of his work called *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens* [Dialectological Atlas of Eastern Serbia and Western Bulgaria]. The analyzed data were extracted from the dialect text using the continuous sampling method, and subsequently subjected to etymological, formal and functional semantic analysis. The comparison procedure itself consisted in counting the number of uses of the "correct" (i.e. corresponding to the conventional dialectal reference point) options for dialectal difference implementation. As a result, the authors could determine as a percentage how close this idiom is to the ideal model of Timok dialect, how "dialectal" it is in general, and how much different it is from the other Serbian dialects and from the standard language.

In order to obtain statistically relevant results based on a sufficient amount of text, the authors selected twelve most significant dialectal features, which allowed them to oppose all the dialects of the studied region of Eastern Serbia with the Neo-Stokavian dialects underlying the standard language.

Dependence of the experiment results on the frequency of certain lexemes used in the informant's speech can be observed. A dialect Timok word form often comes into opposition with a non-dialect (standard), according to not just one, but to a number of parameters. Thus, the form *mačeja* 'stepmother' corresponds to *mačehu*-Acc.Sg not only with /č/, but also with the phoneme /h/, which is not typical of the Timok dialects. Such an opposition is quite often implemented not in the same lexical material (cf. *mačeja* ~ *mačeha*, *dən* ~ *dan* 'day'), but in different groups of tokens (cf. *vižuvali* '(they)saw' ~ *rožena* '(she was) born'); and not in the same word form of the lexeme, but in different segments of its paradigm (the dative forms of pronouns in sg. *mene*, *ñemu* against the background of analytical forms pl. *na nas*). The data reflect different relative frequency of correlative members pairs of different dialectal features and, therefore, a different degree of regularity of their implementation, regardless of the language level. The authors hope that applying various modern research methods to a sufficiently large amount of material, including linguogeographic, corpus and psycholinguistic methods, can provide them with the desired result (including in the cases of negative statements concerning features that do not exist in a dialect).

References

1. Soboлев, A.N. (1998) *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens*. Bd. 3. Marburg: Biblion Verlag.
2. Ivić, P. (2018) Srpski dijalekti i njihova klasifikacija [Serbian dialects and their classification]. In: Remetić, S. (ed.) *Celokupna dela. X/2***. *Rasprave, studije, članci* [Complete works. X/2 **. Discussions, studies, articles]. Vol. 2. Novi Sad, Sremski Karlovci: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.
3. Vidoeski, B. (1999) *Dijalektite na makedonskiot jazik* [Dialects of the Macedonian language]. Vol. 2. Skopje: MANU.

4. Sobolev, A.N. (1991) Kategorija padezha na periferii balkanoslavyanskogo areala [The category of case at the periphery of the Balkan-Slavonic area]. In: *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. Book XXXIV/1. Novi Sad. pp. 93–139.
5. Vuković, T. & Samardžić, T. (2018) Prostorna raspodela frekvencije postpozitivnog člana u timočkom govoru [Spatial distribution of frequency of a post-positive member in Timok dialect]. In: Ćirković, S. (ed.). *Timok. Terenska istraživanja 2015–2017* [Timok. Field research 2015–2017]. Knjaževac: Narodna biblioteka.
6. Ivić, P. (2009) *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija* [Serbian dialects and their classification]. Novi Sad; Sremski Karlovci: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.
7. Belić, A. (1905) *Dijalekti istočne i južne Srbije* [Dialects of Eastern and Southern Serbia]. Beograd: SANU.
8. Ivić, P. (1956) *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokavsko narečje* [Dialectology of the Serbo-Croatian language. Introduction and Stokavian dialect]. Novi Sad: Matica srpska.
9. Sobolev, A.N. (1995) O pirotskom govoru u svetlosti najnovijih istraživanja [About Pirot dialect in the light of the latest research]. *Pirotski zbornik*. 21. pp. 195–211.
10. Sobolev, A.N. (1998) *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens*. Bd. 1. Marburg: Biblion Verlag.
11. Avanesov, R.I. & Orlova, V.G. (eds) (1964) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Nauka.
12. Mirić, M. (2018) Upotreba/izostavljanje subjunktivnog markera da u konstrukciji futura prvog u timočkim govorima [Use / omission of subjunctive markers in the construction of the first futures in Timok dialect]. In: Ćirković, S. (ed.). *Timok. Terenska istraživanja 2015–2017* [Timok. Field research 2015–2017]. Knjaževac: Narodna biblioteka.
13. Simon, W. (2006) (Hrsg.). *Persönlichkeitsmodelle und Persönlichkeitstests*. Offenbach: Gabal.
14. Tsykhun, G.A. (1981) *Tipologičeskie problemy balkanoslavyanskogo areala* [Typological problems of the Balkan-Slavonic area]. Minsk: Nauka i tehnika.
15. Stanojević, M. (1911) Severno-timočki dijalekat [North Timok Dialect]. In: *Srpski dijalektološki zbornik* [Serbian Dialectological Collection]. Book 2. Beograd: [s.n.].